

На правах рукописи

СМИРНОВА Екатерина Викторовна

**НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ С АРАБСКИМ
ВОСТОКОМ И РУССКО-АРАБСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ
(XIX – НАЧАЛО XX В.)**

Специальность 5.6.2. – Всеобщая история

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Москва – 2023

Диссертация выполнена в Центре исследования общих проблем современного Востока ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук

Научный руководитель: доктор исторических наук,
профессор
Ланда Роберт Григорьевич

Официальные оппоненты: **Смирнова Ирина Юрьевна**,
доктор исторических наук,
ФГБУН Институт российской истории
Российской академии наук,
Центр истории религии и церкви,
ведущий научный сотрудник

Якушев Михаил Михайлович,
кандидат исторических наук,
Министерство иностранных дел
Российской Федерации,
Историко-документальный департамент,
первый секретарь

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Московский
государственный университет
им. М.В. Ломоносова»**,
Институт стран Азии и Африки

Защита состоится « » мая 2023 г. в 12 часов на заседании диссертационного совета по историческим наукам 24.1.041.01. на базе ФГБУН Институт востоковедения РАН по адресу: 107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБУН Институт востоковедения РАН (г. Москва, ул. Рождественка, д. 12) и на сайте института: www.ivran.ru.

Автореферат разослан « » _____ 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук

А.А. Петрова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Диссертационное исследование посвящено истории русско-арабских культурных связей в их научно-просветительском¹ аспекте, формирование которых было сопряжено с решением проблем межкультурной и, прежде всего, вербальной коммуникации. Изучение влияния коммуникативных факторов на развитие взаимоотношений России со странами Арабского Востока² представляется весьма актуальным как с научной, так и социальной точки зрения.

В настоящее время развитие кросс-культурного взаимодействия и его специфика во многом зависят от процессов, происходящих в мире, в том числе тенденции к деглобализации, переориентации направлений международного и межрегионального сотрудничества.

В условиях изменения внешнеполитической стратегии Россия активизирует взаимоотношения с государствами и народами Азии: укрепляет старые связи и стремится наладить новые. Важной составляющей этого процесса является актуализация позитивного опыта взаимодействия России с восточными странами, память о котором сохранилась в культурном наследии их народов.

Как известно, Россия имеет давние исторические связи со странами Востока и его этносами, которые участвовали в процессе становления российской государственности, этногенезе местных народов и формировании их культуры. Несмотря на то, что Россия не граничит со странами Ближнего Востока, история ее взаимоотношений с этим регионом уходит вглубь столетий.

Под влиянием различных факторов русско-арабские культурные связи стали активно развиваться в XIX веке. Начало этого процесса было сопряжено с решением стратегических задач, которые стояли перед Российской империей на Востоке. В условиях периодических войн с Османской империей и Персией, присоединения новых территорий с мусульманским населением России необходимо было наладить коммуникацию с местными народами, которые имели тесные связи с арабским миром³. Вместе с тем Россия стремилась усилить свое влияние в Святой земле⁴, поддержать православные церкви Ближнего Востока и укрепить гуманитарные связи с местными христианами. Во многом этому способствовала реализация просветительских проектов в Иерусалимском и Антиохийском патриархатах, с которыми Россию связывали многовековые культурные и церковные отношения.

¹ В XIX столетии термины «образование» и «просвещение» нередко использовались в качестве синонимов. В данном исследовании оба термина также носят синонимичный характер. При этом под просвещением понимается образовательная деятельность в целом, в том числе имеющая духовно-просветительскую направленность.

² В географическом плане понятие «Арабский Восток» включает в себя арабские страны, расположенные в Азии, а также Египет.

³ Арабский мир – обобщенное понятие, позволяющее объединить в один ареал арабские страны Ближнего Востока и Северной Африки.

⁴ География Святой земли исторически включала территории нынешней Палестины (государство Израиль и Палестинская национальная администрация), Ливана, Сирии, Иордании, а также Египет и Синай.

С началом Первой мировой войны просветительские инициативы России на Ближнем Востоке и связанные с ними проекты были остановлены. А после революции 1917 г. русско-арабские отношения стали выстраиваться в новых исторических условиях, достигнув значительного развития во второй половине XX века. В этот период между СССР и рядом арабских стран было налажено многоплановое сотрудничество. После распада Советского Союза культурный обмен между Россией и арабскими государствами существенно сократился. И хотя многие прежние связи в это время были утрачены, основы для развития отношений, формировавшиеся на протяжении столетий, сохранились.

В начале XXI века (и особенно в последние годы) Ближний Восток вновь стал важным направлением в российской внешней политике. В связи с этим актуализировались вопросы русско-арабского сотрудничества, которые следует решать с учетом знаний и опыта, накопленных в дореволюционный и советский периоды. В некоторых арабских странах до сих пор с благодарностью вспоминают русские школы, открытые для местного населения, помощь Советского Союза в подготовке профессиональных кадров и реализации научно-технических проектов. Среди арабов существует узкая прослойка русофилов, которые хорошо знают русский язык и любят русскую культуру. В основном она формируется из выпускников советских и российских вузов, которые так или иначе продолжают поддерживать контакты с Россией. Вместе с российскими востоковедами, владеющими арабским языком, они составляют кадровый потенциал для налаживания и развития русско-арабских отношений.

Основы для подготовки отечественных арабистов, а также обучения арабов в российских вузах были заложены в XIX веке. Комплексное изучение русско-арабских научно-образовательных контактов и специфики их реализации в этот период открывает новую грань истории культурных связей России с арабским миром, позволяет дополнить и детализировать представление о контактах России с христианским и мусульманским Востоком, расширить спектр знаний по истории российского востоковедения, системе просвещения в арабских областях Османской империи и организации русских учебных заведений на ее территории, интеллектуальном обмене с восточными народами и особенностях коммуникации с ними. Вместе с тем изучение данного вопроса позволяет раскрыть эффективные механизмы русско-арабского взаимодействия, которые необходимо учитывать для налаживания отношений с арабскими странами.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что содержащийся в ней материал существенно дополняет представление о культурных связях России с Арабским Востоком в указанный период и может быть использован при изучении различных аспектов русско-арабских отношений, а также вопросов межкультурной коммуникации.

Практическая значимость. Материалы данного исследования, отдельные его положения и результаты могут применяться при разработке курсов лекций и учебных пособий, составлении энциклопедических статей по истории

востоковедения, истории взаимоотношений России с Востоком, проблемам межкультурной коммуникации и истории российской педагогики. Объемный фактический материал диссертации может быть полезен при организации учебного процесса студентов-арабистов, а также реализации российских гуманитарных проектов на Ближнем Востоке.

Популяризация исследований о культурных, в том числе научно-образовательных, контактах России с арабо-исламским миром имеет большое значение для понимания исторических связей между российскими народами, уяснения положительного опыта их взаимодействия, что в свою очередь должно способствовать их консолидации, улучшению в стране межнациональных и межконфессиональных отношений. Распространение сведений подобного характера посредством докладов, лекций, информационных сообщений, теле- и радиопередач на русском и арабском языках играет важную роль в формировании положительного образа России в арабских странах, а также адекватного представления о Ближнем Востоке среди русского населения, что является основой для развития русско-арабских отношений.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Диссертация опирается на широкий круг архивных материалов и опубликованных источников, научную литературу на русском, арабском и английском языках, что гарантирует высокую степень достоверности результатов. Основная их часть была опубликована в рецензируемых журналах из перечня ВАК и РИНЦ, сборниках Института востоковедения РАН, а также в других научных изданиях. Вместе с тем положения диссертации прошли апробацию в виде докладов, прочитанных в 2015–2022 гг. на ежегодных научных конференциях по истории востоковедения и арабистике в Институте востоковедения РАН, Институте восточных рукописей РАН, Московской духовной академии.

Материалы исследования были использованы автором при составлении специального курса лекций на тему «Россия и Арабский Восток: история политических и культурных контактов», который был прочитан в Институте стран Востока в 2018 г. Существенную помощь в подготовке лекционного материала автору оказал курс лекций В.В. Орлова, содержащий объемный пласт сведений об истории русско-арабских отношений⁵.

Автор диссертации получил благодарственный отзыв от Министерства иностранных дел Бахрейна за доклад об исторических связях России с арабскими странами Залива. Доклад был прочитан в ноябре 2016 г. в Манаме в рамках встречи представителей российских и бахрейнских деловых кругов с участием официальных лиц из Министерства иностранных дел Бахрейна. Кроме того, в 2018 г. автор прочел лекцию в публичном маджлисе «ад-Дуй» (ад-Дави) в Манаме на тему «История культурных контактов России с арабским миром», за

⁵ Орлов В.В. Россия и арабский мир в XX – начале XXI в.: история, культура, геополитика: Межфакультетский курс. ИСАА, 2017.

что получил благодарственное письмо от руководства маджлиса, учрежденного при содействии мэрии Мухаррака и Министерства культуры Бахрейна.

Научная новизна диссертации заключается в постановке задач и подходах к их решению, определенных в процессе изучения широкого спектра архивных материалов (часть которых вводится в научный оборот впервые), многочисленных нарративных источников и специальной арабоязычной литературы.

Данная диссертация представляет собой исследование, в котором впервые:

1. Комплексно исследуется научно-просветительский аспект культурных связей России с Арабским Востоком, представляющий собой совокупность русско-арабских профессиональных контактов, вписанных в политический и социокультурный контекст эпохи; обозначаются светский и церковный каналы их формирования.

2. Выдвигается предположение о том, что расширение арабо-европейских связей в начале XIX века и происходившие вследствие этого в ряде арабских стран социокультурные изменения способствовали коммуникативной подготовке арабов к контактам с Россией.

На основе изучения материалов фондов Архива внешней политики Российской империи и Центрального исторического архива Москвы, а также опубликованных источников:

3. Выявляются особенности арабистической подготовки в российских вузах в первой половине XIX века в контексте развития отечественного востоковедения и политических нужд Российской империи; устанавливается взаимосвязь между процессами улучшения коммуникативных навыков российских востоковедов и активизацией русско-арабского интеллектуального обмена и культурных связей в целом.

4. Представлен наиболее полный обзор просветительской деятельности России на Ближнем Востоке в первой половине XIX века и достижений арх. Порфирия (Успенского) в этой области. Выявляется роль арабских переводчиков в реализации научных, культурно-просветительских и церковно-дипломатических задач Русской духовной миссии в Сирии и Палестине.

5. Проводится частичная реконструкция истории организации и деятельности Антиохийского подворья в Москве в контексте просветительских программ России на православном Востоке.

6. Вводится систематизированный фактический материал о педагогических комиссиях, учебных программах и организации учебного процесса в школах и семинариях ИППО, деятельности русских и арабских педагогов, школьных инспекторов и их профессиональном сотрудничестве. Прослеживается постепенная эволюция качества образования в школах и семинариях ИППО, выявляются способствующие этому факторы.

7. Дополняются и уточняются сведения о биографии и профессиональной деятельности арабских ученых и преподавателей в России: М.О. Аттаи, Г.А. Муркоса, Ф. Сарруфа, И. Нофаля, М. ат-Тантави.

8. Исследуется объемный пласт арабоязычной литературы о русско-арабских культурных связях, собранной в библиотеках России, Бахрейна, а также присланной коллегами из Египта и Ливана.

Методология и методы исследования. В ходе исследования автор использовал совокупность специально-исторических и общенаучных методов, выбор которых определялся историко-культурным характером работы, ее хронологическим диапазоном, спецификой поставленных задач и широким спектром используемых источников.

Методологической основой диссертации послужили принцип научной объективности и принцип историзма, позволяющий установить причины возникновения культурных контактов Руси с Арабским Востоком, проследить специфику формирования и динамику развития русско-арабских культурных связей в проблемно-хронологическом ключе.

С помощью типологического метода может быть создана условная типологизация русско-арабских культурных связей, в которой выделяется научно-образовательный аспект (как наиболее результативный), послуживший катализатором для развития других аспектов русско-арабских отношений. Вместе с тем выявляются прямой и опосредованный виды русско-арабских культурных контактов, определивших характер культурных связей России с Арабским Востоком в разные исторические периоды.

Системный метод позволяет отобрать и упорядочить факты о русско-арабских контактах, осуществлявшихся в научных и образовательных целях, проанализировать их связи внутри системы взаимоотношений России с Арабским Востоком. С помощью структурного метода можно определить структуру этих связей, формировавшуюся в начале XIX века по церковным и светским каналам.

Сравнительно-исторический метод используется при необходимости сопоставить причины возникновения, характер и интенсивность культурных связей Западной Европы и России с арабскими странами, выявить сходства и отличия подходов к организации просветительской работы на Востоке. Наряду с историко-генетическим методом, компаративный анализ позволяет сравнить русско-арабские культурные связи на разных исторических этапах.

Вместе с тем в работе применяются источниковедческие методы (в частности, критический анализ источника, позволяющий выявить его информативность и достоверность содержащихся в нем сведений), а кроме того, методы архивоведения, необходимые для работы с рукописными материалами.

Среди методологических приемов, используемых автором в работе, следует указать сбор, систематизацию и анализ фактического материала. Нарративный метод позволяет изложить собранный материал в логической последовательности и интерпретировать его согласно причинно-следственным

связям. Вследствие этого реконструированные фрагменты истории русско-арабских отношений вписываются в общий контекст эпохи.

Комплексный подход позволяет эффективно выявить и проанализировать совокупность факторов, повлиявших на возникновение и развитие научно-образовательных связей России с Арабским Востоком, а кроме того, представить целостную картину развития русско-арабских культурных взаимоотношений.

Объект исследования – история научно-просветительских связей России с Арабским Востоком.

Предмет исследования – русско-арабский коммуникативный процесс и интеллектуальный обмен в научной и образовательной сферах деятельности.

Цель исследования – представить целостную картину русско-арабских научно-просветительских связей, проследив их эволюцию в контексте взаимоотношений России с Востоком, с учетом политических, социокультурных и коммуникативных факторов, влиявших на динамику их развития.

Достижению указанной цели способствует решение следующих **задач**:

1. Проанализировать влияние восточной политики России на установление и расширение дипломатических и культурных контактов с арабо-османским миром.

2. Охарактеризовать состояние культурно-просветительской среды в арабских странах в начале XIX века, а также трансформации, происходившие в ней под влиянием арабо-европейского интеллектуального обмена.

3. Исследовать основные задачи и принципы подготовки отечественных востоковедов и особенности их коммуникации с арабами.

4. Определить основные цели и достижения просветительской деятельности арх. Порфирия (Успенского) на Ближнем Востоке в контексте его взаимоотношений с православными арабами и греками.

5. Рассмотреть комплекс просветительских задач России на православном Востоке в 50–70-е гг. XIX века и проблемы их реализации.

6. Описать историю создания и начальные этапы деятельности Антиохийского подворья в Москве, а также выявить его задачи по отношению к православным арабам, отправленным на обучение в Россию.

7. Определить сферы, характер и результативность русско-арабского взаимодействия в организации учебной деятельности Православного палестинского общества.

8. Осветить основные вехи биографии, научной и педагогической деятельности арабских преподавателей в России и оценить их вклад в развитие российского востоковедения.

Хронологические рамки исследования определяются временем возникновения научно-образовательных связей России с Арабским Востоком и их развития в дореволюционный период.

Нижней границей исследования является период с конца XVIII – начала XIX века, выбор которого обусловлен началом политических и социокультурных процессов в Западной Европе, России и на Ближнем Востоке, содействовавших

развитию межкультурной коммуникации. Возникновение Восточного вопроса и военно-политическая активность европейских государств на Ближнем Востоке (Русско-турецкая война 1768–1774 гг., а также Египетский поход Наполеона 1798–1801 гг.) способствовали росту научного интереса к этому региону в Европе и, как следствие, интенсификации арабо-европейских научных и образовательных контактов. Интеллектуальному обмену арабов с европейцами содействовали социокультурные изменения, происходившие в Египте под влиянием реформаторской деятельности Мухаммада ‘Али. В то же время активизация восточной политики России и включение в сферу ее интересов Ближнего Востока вызвали необходимость подготовки отечественных востоковедов. В связи с этим в начале XIX века в российских университетах были открыты отделения восточных языков, что создало предпосылки для установления научных контактов с арабским миром.

Верхней границей исследования является период с 1914 по 1917 г. С началом Первой мировой войны (когда были закрыты школы ИППО) и после произошедшей в России революции 1917 г. культурно-религиозные связи с православным Востоком были прерваны, утратили свою актуальность прежние просветительские программы. С этого времени русско-арабские отношения продолжились развиваться в новых политических и идеологических условиях.

Географические рамки исследования в широком смысле включают все страны Арабского Востока, а также Османскую империю, в состав которой большинство из них входило. В то же время спектр арабских стран, с которыми в европейской части России в XIX веке осуществлялись активные культурные контакты, был намного уже, что и позволяет локализовать исследовательские задачи. Если в первой половине XIX века основной зоной русско-арабских научно-образовательных контактов был Египет, что связано с модернизацией системы египетского образования, а также политическим и культурным интересом Египта и России друг к другу, то во второй половине XIX века центром русско-арабского культурного взаимодействия и интеллектуального обмена стала Большая Сирия, где сосредоточились просветительские усилия Российской империи.

Вместе с тем автор считает целесообразным при необходимости выходить за указанные хронологические и географические рамки, чтобы представить целостную картину русско-арабских культурных связей, показать специфику их формирования в условиях тесных контактов с христианским и мусульманским Востоком, взаимоотношения с которым повлияли на характер и особенности развития русско-арабских научно-образовательных связей в XIX веке.

Положения, выносимые на защиту:

1. На протяжении многих столетий русско-арабские культурные связи формировались в основном опосредованным путем через взаимодействие Руси с христианским Востоком и соседними мусульманскими народами и государствами, население которых напрямую контактировало с арабами. При этом специфика русско-арабских культурных контактов (в том числе в духовной

и интеллектуальной сферах) зависела от масштабов культурного обмена Руси с византийцами, грекоязычным населением Ближнего Востока, европейцами и исламизированными тюркскими народами, интенсивности их взаимодействия с арабами, а также идеологических и коммуникативных факторов, влиявших на этот процесс.

2. Геополитические факторы содействовали активизации контактов России с арабо-османским миром. Включение России в конце XVIII века в сферу Восточного вопроса и ее стремление укрепить свои позиции в ближневосточном регионе, прежде всего путем учреждения в арабских областях Османской империи дипломатических представительств, открыло возможность для расширения русско-арабских гуманитарных и, как следствие, культурных связей.

3. Научно-образовательные связи России с Арабским Востоком возникли в первой половине XIX века вследствие появления у русских и арабов интереса к установлению обоюдных интеллектуальных контактов (для решения научных и стратегических задач), а также улучшения коммуникативных навыков, необходимых для их реализации.

4. Первые русско-арабские научно-образовательные контакты происходили с использованием европейских языков-посредников и осуществлялись в тех ближневосточных городах, где было значительным присутствие Запада, а арабы получили опыт интеллектуального обмена с его образованными представителями.

5. Эффективность русско-арабской коммуникации зависела не только от знания арабами европейских языков, но и от качества востоковедной подготовки русских ученых, педагогов, дипломатов и церковных деятелей, пребывавших на Ближнем Востоке. Стремление российских властей наладить контакты с мусульманами в России и за ее пределами потребовало ввести в программу российских университетов преподавание восточных языков. Приглашение в российские вузы первых арабских лекторов, организация учебных командировок и научных экспедиций на Ближний Восток способствовали установлению русско-арабских научно-образовательных контактов и улучшению арабистической подготовки русских востоковедов.

6. Формирование научно-просветительских связей России с Арабским Востоком происходило по светским и церковным каналам при непосредственном участии министерств иностранных дел и народного просвещения, а также Святейшего синода. Большую роль в этом процессе сыграла Русская духовная миссия в Иерусалиме, которая оказывала содействие восточным патриархам в вопросах просвещения местных христиан. С помощью арабских переводчиков, служивших при миссии, ее руководство установило хорошие отношения с православными арабами и организовало некоторые меры для их просвещения, заложив тем самым основу для развития школьной деятельности России в этом регионе.

7. Скоординированные действия Святейшего синода, МИД и российских представительств на Ближнем Востоке позволили укрепить церковные связи с арабским духовенством и организовать в Москве Антиохийское подворье, которое стало центром языковой и культурной адаптации православных арабов, отправленных на обучение в Россию. Арабские выпускники российских учебных заведений составили контингент служителей церкви, профессиональных ученых и педагогов, преподававших в России и на Востоке, в том числе в школах Православного палестинского общества.

8. Качество образования в учебных заведениях ИППО во многом зависело от взаимопонимания между русскими и арабскими сотрудниками школ и инспекций. Русско-арабское сотрудничество осуществлялось на всех уровнях организации школьного дела: в разработке и внедрении учебных программ и инструкций, инспекторском контроле, а также учебном процессе. Поскольку русских служащих в школах ИППО было мало и они, как правило, не владели арабским языком, основную педагогическую работу выполняли арабы. По мере того, как русские педагоги и инспекторы дольше оставались на службе общества, успевая адаптироваться к местным условиям и освоить арабский язык, а школы и семинарии ИППО пополнялись арабскими выпускниками русских учебных заведений, русско-арабская коммуникация и профессиональное сотрудничество улучшались.

9. Арабские лекторы, окончившие школы ИППО и российские учебные заведения, более эффективно преподавали арабский язык в российских вузах по сравнению со своими предшественниками, которые недостаточно хорошо владели русским языком. Их научная и педагогическая деятельность в России способствовала углублению русско-арабского научно-образовательного взаимодействия, которое продолжилось и после революции 1917 г.

Источниковой базой исследования послужил объемный пласт документов и материалов, который отложился в фондах Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) МИД и Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ).

Министерство иностранных дел, в ведении которого находились русско-арабские гуманитарные связи, являлось крупным документообразователем. В связи с этим в фондах АВПРИ «Политический архив», «Турецкий стол», «Посольство в Константинополе», «Консульство в Бейруте», «Вице-консульство в Яффе» и др. отложились документы и материалы, касающиеся взаимоотношений России с Османской империей и ее арабскими областями.

Сведения о русско-арабских культурных, в том числе научно-образовательных, связях сохранились в материалах фондов «Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте», «Санкт-Петербургский главный архив», «Российское императорское православное палестинское общество».

В документах фонда «Учебное отделение...»⁶ содержится фактический материал об организации востоковедных вузов, программах обучения по арабскому языку, литературе, истории и географии Ближнего Востока, преподавателях восточных языков, их педагогической и научной деятельности, качестве образования и подготовке будущих переводчиков и дипломатов.

Сведения о командировках и экспедициях русских востоковедов и ученых-естественников на Ближний Восток получили отражение в материалах фонда «Санкт-Петербургский главный архив»⁷. В том же фонде отложился внушительный пласт документов, касающихся учреждения Русской духовной миссии в Иерусалиме, а также реализации первых просветительских программ России на Ближнем Востоке⁸.

Важный блок документов о церковно-дипломатических мерах, направленных на просвещение православных арабов и обучение их в России, сохранился в фонде «Турецкий стол» в делах, посвященных Антиохийскому подворью в Москве⁹. Объемный пласт документов, раскрывающих специфику просветительской активности России на Ближнем Востоке, содержится в фонде «Российское императорское православное палестинское общество». В многочисленных делах фонда отложились: переписка русских учителей с руководством общества, отношения, ходатайства, донесения, отчеты школьных инспекторов в Совет ИППО, учебные программы и инструкции¹⁰. Изучение данных материалов позволяет получить объективное представление об организации учебного процесса в школах ИППО, профессиональных взаимоотношениях между арабскими и русскими педагогами и инспекторами.

Внушительный пласт документальных материалов, в которых отразилась история научно-просветительских контактов России с Арабским Востоком, отложился в фондах Центрального исторического архива Москвы¹¹. Это фонды образовательных учреждений, где учились или работали арабы: Московской духовной академии, а также Лазаревского института восточных языков.

Помимо архивных материалов, исследование опирается на многочисленные печатные источники, среди которых первостепенное значение имеет фундаментальное собрание документов «Россия в Святой земле...»¹², отчеты об учебных заведениях Палестинского общества, опубликованные на

⁶ АВПРИ. Ф. 153 Учебное отделение восточных языков. Оп. 668. Д. 94 (1806, 1820–1825 гг.); Д. 97 (1823 г.); Д. 101 (1823–1853, 1916 гг.); Д. 102 (1823–1833 гг.); Д. 107 (1826–1840 гг.) и др.

⁷ АВПРИ. Ф. 161 СПбГА П–10. Оп. 48. Д. 2 (1838–1848 г.); Д. 1 (1841 г.); Д. 2 (1845 г.) и др.

⁸ АВПРИ. Ф. 161 СПбГА П–9. Оп. 46. Д. 15 (1847–1853 гг.); Д. 19. Ч. I (1847 г.) и др.

⁹ АВПРИ. Ф. 149 Турецкий стол. Оп. 502/1. Д. 3875 (1850 г.); Д. 3877 (1857 г.); Д. 3879 (1860 г.) и др.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 339 (1899 г.); Д. 354 (1909 г.); Д. 362 (1885–1886 гг.); Д. 368 (1895–1899 гг.); Д. 371 (1886 г.); Д. 374 (1893–1894 гг.); Д. 385 (1912–1913 гг.) и др.

¹¹ ЦИАМ. Ф. 213 Лазаревский институт восточных языков. Оп. 1. Д. 906 (1885 г.); Д. 1102 (1900–1901 гг.); Д. 1527; Оп. 2. Д. 12 (1873–1916 гг.) и др.; Ф. 229 Московская духовная академия. Оп. 4. Д. 4 (1854–1855 гг.); Д. 5 (1903 г.); Д. 1676 (1882–1883 гг.); Д. 4602 (1890–1896 гг.); Д. 4605 (1904–1908 гг.) и др.

¹² Россия в Святой земле: документы и материалы / сост., подготовка текста, вступ. статья и комм. Н.Н. Лисового. Т. 1. М., 2015; Т. 2. М., 2017; Т. 3. М., 2020.

страницах Сообщений ИППО, обстоятельные отчеты Н.М. Аничкова¹³, А.А. Дмитриевского¹⁴ и Н.В. Кохманского¹⁵, посетивших Ближний Восток с целью изучения школ. К другой группе печатных источников следует отнести описания путешествий, дневники, мемуары, записки дипломатов, общественных и церковных деятелей, ученых и путешественников (арх. Порфирия (Успенского)¹⁶, В.Ф. Диттеля¹⁷, И.Н. Березина¹⁸ и др.), побывавших в арабских странах с научными целями или служивших на территории Османской империи.

Отдельно следует отметить воспоминания арабских учеников школ ИППО Оде-Васильевой¹⁹ и М. Нуайме²⁰, которые с благодарностью писали о российских учебных заведениях в Сирии и Палестине.

Привлечение широкого спектра архивных и печатных источников повышает объективность данного исследования и позволяет по-новому взглянуть на историю русско-арабских связей в их научно-образовательном аспекте, а кроме того, детализировать политический и социокультурный контекст, в котором они развивались.

Степень разработанности темы. Вопросы русско-арабских культурных (в том числе научно-образовательных) связей нашли отражение в многочисленных отечественных и зарубежных исследованиях, которые были опубликованы в течение последних 150 лет. Стремление Российской империи усилить свое духовное и политическое присутствие на Ближнем Востоке и укрепить взаимоотношения с его православным населением вызвало общественный и научный интерес еще в XIX веке. У истоков изучения культурно-религиозных связей России с православным Востоком стояли историки, церковные и общественные деятели, которых волновали проблемы просвещения арабов-христиан. Одним из первых о духовных и исторических связях России со Святой землей писал арх. Порфирий (Успенский)²¹. В своих трудах он указал на необходимость просвещения православных арабов при содействии России. Тема русско-арабских культурных связей в контексте

¹³ Учебные и врачебные заведения Императорского православного палестинского общества в Сирии и Палестине. Отчет члена Совета общества Н.М. Аничкова. Часть I. Учебные заведения Сирии и Иудеи. СПб.: Типография Киришаума, 1901; Часть II. Учебные и врачебные заведения Галилеи. СПб., 1910.

¹⁴ Палестинское общество и русские школы на Востоке / под редакцией Н.Н. Лисового. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2014.

¹⁵ Грушевой А.Г. Из истории русских школ на Ближнем Востоке: архивные материалы и статья. СПб.: Контраст, 2016.

¹⁶ Порфирий (Успенский) еп. Чигиринский. Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки еп. Порфирия Успенского. Т. 1–8. СПб., 1894–1902.

¹⁷ Обзор трехгодичного путешествия по Востоку магистра Виллиама Диттеля // Журнал Министерства народного просвещения. 1847. № 10.

¹⁸ Обзор трехлетнего путешествия по Востоку магистра Казанского университета И. Березина (из журнала Мин. нар. просвещения). 1847. № 7.

¹⁹ Нуайме М. Мои семьдесят лет. М.: Наука, 1980.

²⁰ Оде-Васильева К.В. Взгляд в прошлое // Палестинский сборник. М.–Л.: Наука, 1965. Вып. 13 (76). С. 171–176.

²¹ Порфирий (Успенский). Проповедники в четырех патриархатах восточных и их проповеди. М., 1879.

школьной деятельности ИППО получила отражение в трудах А.А. Дмитриевского²², который был видным деятелем этого общества.

В то же время о русско-арабских научных контактах в дореволюционный период упоминали отечественные востоковеды: В.В. Бартольд²³, В.В. Григорьев²⁴ и др. В своих работах по истории востоковедения они указали биографические сведения лекторов-арабов, преподававших в российских вузах. Сами арабские лекторы в России (Г.А. Муркос, П.К. Жузе, А.Ф. Хащаб, Т.Г. Кезма) были заинтересованы в развитии русско-арабских отношений и популяризации отечественных востоковедных исследований у себя на родине. В связи с этим они публиковали статьи об исторических связях России с Сирией и Палестиной²⁵, а также заметки о российских востоковедах и их некрологи²⁶.

В отличие от русских и православных арабских исследователей, их западные коллеги рассматривали русско-ближневосточные взаимоотношения в ином ключе, уделяя основное внимание военно-политическому аспекту. В это время в англоязычной историографии Восточного вопроса бытовали русофобские тенденции, основанные на представлении о том, что Россия вела агрессивную восточную политику, которая заключалась в стремлении разрушить Османскую империю, захватить проливы и открыть путь к завоеванию Индии. Подобное восприятие российской внешней политики доминировало в Великобритании на протяжении многих лет и было отражено в работах Дж. А. Р. Мэрриота²⁷, Х. Темперли²⁸ и других исследователей.

После Первой мировой войны и революции 1917 г. русско-арабские отношения начали выстраиваться на другой идеологической основе. В советский период изучение культурных связей России с арабским миром стало прерогативой ученых-востоковедов, которые старались не акцентировать внимание на религиозной составляющей этого вопроса.

Объемный фактический материал о литературных и научно-образовательных связях России с Арабским Востоком содержится в трудах А.Е. Крымского²⁹ и И.Ю. Крачковского³⁰, которые непосредственным образом содействовали укреплению русско-арабских отношений. Сами ученые получили

²² Дмитриевский А.А. Императорское православное палестинское общество и его деятельность (1882–1907): историческая записка. СПб.: типография В.Ф. Киршбаума, 1907.

²³ Бартольд В.В. Сочинения: в 9 т. Т. 9. Работы по истории востоковедения. Обзор деятельности факультета восточных языков. М.: Наука, 1977.

²⁴ Григорьев. В.В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. С.-Петербург: Типография В. Безобразова и комп., 1870.

²⁵ Муркос Г.А. Интересы России в Палестине. М.: Университетская типография (М. Катков), 1882.

²⁶ Хашаб, Антуан. Ал-барун Фиктур фун Рузин ал-мусташир ар-руси ал-'аллама аш-шахир (Барон Виктор фон Розен – выдающийся русский ученый-востоковед) // Ал-Машрик, 1908. № 3. С. 171–173.

²⁷ Marriot J.A.R. The Eastern question: an historical study in European Diplomacy. Oxford: Clarendon press, 1917.

²⁸ Temperley H. England and the Near East: The Crimea. London, 1936.

²⁹ Крымский А.Е. История новой арабской литературы. М.: Наука, 1971.

³⁰ Крачковский И.Ю. Шейх Тангави, профессор С.-Петербургского университета (1810–1861). Л.: Изд-во АН СССР, 1929; Очерки по истории русской арабистики. М.: Изд-во АН СССР, 1950.

образование в дореволюционное время, хорошо знали Ближний Восток и школы ИППО, а также близко общались со своими арабскими коллегами.

В межвоенный период о русско-арабских научных контактах упоминал ливанец Наджиб ал-‘Акики, который написал работу о востоковедах. Будучи христианином, он сожалел об утрате русско-арабских религиозных связей, имевших, по его мнению, большое значение для развития востоковедения. Несмотря на то, что ал-‘Акики без восторга писал о намерении большевиков распространить свою идеологию по всему миру, он положительно оценивал их стремление обучать арабов в высших советских школах³¹. Тем самым исследователь указал на некую преемственность в развитии русско-арабских связей в науке и образовании в дореволюционный и советский периоды.

Во второй половине XX века русско-арабские отношения стали интенсивно развиваться. С одной стороны, это объяснялось намерением арабских стран заручиться поддержкой сильного государства в борьбе с колониальными интересами Англии и Франции, с другой – стремлением СССР приобрести союзников на Ближнем Востоке в условиях блокового противостояния. В это время в Советском Союзе активизировалось изучение русско-арабских отношений в различных их аспектах. Истории военно-политических, дипломатических и культурных связей России с Ближним Востоком посвящены работы В.А. Георгиева³², В.И. Шеремета³³, Б.Н. Данцига³⁴, И.М. Смилянкой³⁵. О русско-арабских научных контактах упоминали А.П. Базиянц³⁶ и А.Н. Мазитова³⁷, писавшие о российских востоковедных центрах. Вместе с тем на страницах «Палестинского сборника», издание которого возобновилось в 1954 г., публиковались статьи о школах Палестинского общества и русско-арабских культурных связях³⁸. При этом о религиозно-просветительской составляющей школьных программ не упоминалось.

В отличие от исследований советских ученых, в которых религиозные связи России с православным Востоком практически не затрагивались, в работах их западных и восточных коллег русскому духовному присутствию в регионе уделялось значительное внимание. В 1960-е гг. западные исследователи стали

³¹ См. ал-‘Акики, Наджиб. Ал-Мусташиркуна (Востоковеды). Бейрут, 1937. С. 157.

³² Георгиев В.А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х – начале 40-х годов XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1975.

³³ Шеремет В.И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М.: Наука, 1975.

³⁴ Данциг Б.М. Русские путешественники на Ближнем Востоке. М.: Мысль, 1965.

³⁵ Смилянкая И.М. Очерк востоковедной деятельности А.Е. Крымского // Письма из Ливана. М.: Наука, 1975. С. 303–378.

³⁶ Базиянц А.П. Лазаревский институт восточных языков в истории отечественного востоковедения. М.: Наука, 1973.

³⁷ Мазитова Н.А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX в.). Казань: Изд-во Казанского университета, 1972.

³⁸ Старокадомский М.А. О культурно-просветительской деятельности Палестинского общества на Ближнем Востоке // Палестинский сборник. М.–Л., 1965. Вып. 13 (76). С. 177–184; Шарафутдинова Р.Ш. Русско-арабские культурные связи (странички из истории русско-арабских школ) // Палестинский сборник. Л., 1974. Вып. 25 (88). С. 54–58.

более взвешенно подходить к интерпретации внешнеполитического курса Российской империи на Ближнем Востоке. Российское «культурное проникновение» в регион рассматривалось ими как неотъемлемая часть политической программы России. Среди англоязычных исследований, опубликованных в это время, особо следует отметить работы А.Л. Тибави³⁹, Т. Ставру⁴⁰, Д. Хопвуда⁴¹, которые писали о деятельности Русской духовной миссии в Иерусалиме и Православном палестинском обществе.

Помимо советских, европейских и американских исследователей, активный интерес к истории русско-арабских связей проявляли ученые из тех арабских стран, где отношения с Советским Союзом развивались наиболее интенсивно. После Суэцкого кризиса были опубликованы работы египетских авторов об исторических связях между народами Восточной Европы и Египтом⁴², а также о советско-египетских культурных взаимоотношениях. В это время арабские исследователи были склонны рассматривать связи России с арабским миром в целом: как с мусульманским, так и с христианским, что было связано с идеями арабского единства. Обстоятельную статью о взаимоотношениях Российской империи с Арабским Востоком опубликовала Касимийа Хайрийа, которая рассматривала русско-арабские контакты с учетом стратегических задач России на Ближнем Востоке и ее стремления оказать поддержку православным народам в этом регионе⁴³.

После распада СССР проблема культурных контактов России с арабским миром стала рассматриваться с различных сторон. В условиях активизации российских взаимоотношений с христианским и мусульманским Ближним Востоком интерес к истории культурно-религиозных и научно-просветительских связей с этим регионом существенно вырос.

Среди работ, посвященных православному Востоку, необходимо отметить монографию К.А. Панченко⁴⁴, в которой рассматривается жизнь православного Леванта в XVI – начале XIX столетия. Христианским общинам на Ближнем Востоке посвящен труд Т.Ю. Кобищанова⁴⁵. История Антиохийского и Иерусалимского патриархатов в XIX веке рассматривается в трудах

³⁹ Tibawi A.L. Russian cultural penetration of Syria-Palestine in the nineteenth century //Journal of The Royal Central Asian Society. 1966. Vol. 53. Is. 2. P. 166–182.

⁴⁰ Stavrou T.G. Russian interests in Palestine 1882–1914. Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 1963.

⁴¹ Hopwood D. The Russian Presence in Syria and Palestine 1843–1914. Church and Politics in the Near East. Oxford: Clarendon Press, 1969.

⁴² Аль-Холи, Амин. Связи между Нилом и Волгой. М.: Наука, 1962.

⁴³ Касимийа, Хайрийа. Русийа Кайсарийа ва-л-Машрик ал-‘араби (Царская Россия и Арабский Восток) // Дирасат Та’рихийа (Исторические исследования). Дамаск, 1982. Октябрь № 9–10. С. 40–77.

⁴⁴ Панченко К.А. Ближневосточное Православие под османским владычеством. Первые три столетия 1516–1831. М.: Индрик, 2012.

⁴⁵ Кобищанов Т.Ю. Христианские общины в арабо-османском мире (XVII – первая треть XIX века). М.: Доброе слово, 2003.

И.Ю. Смирновой⁴⁶, М.И. Якушева⁴⁷. При этом авторы уделили особое внимание взаимоотношениям восточных патриархатов с Российской империей. Феномен русского православного паломничества на Ближний Восток в различных его аспектах исследуется в трудах С.А. Кириллиной⁴⁸, И.М. Смилянской⁴⁹, М.М. Якушева⁵⁰.

Вопросы культурного взаимодействия с православными арабами в контексте политических взаимоотношений с Османской империей и западными державами, а также отношений с восточными церквями рассматривают И.А. Воробьева⁵¹, Н.Н. Лисовой⁵², Н.Ю. Сухова⁵³. Непосредственно школьной деятельности ИППО и российским образовательным проектам на Востоке посвятили статьи А.Г. Грушевой⁵⁴ и П.В. Федотов⁵⁵. Статьи об учебных заведениях Палестинского общества были также опубликованы Р.Б. Бутовой⁵⁶ и Н.А. Лагузовой⁵⁷. Проблемы дипломатических, научных и культурных связей России с арабским миром рассматриваются в работах востоковедов-арабистов В.В. Наумкина⁵⁸, Н.Н. Дьякова⁵⁹, А.Б. Подцероба⁶⁰, Т.М. Сипенковой⁶¹,

⁴⁶ Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. Россия и Святая земля в первой половине XIX века: церковная политика на Православном Востоке. СПб.: «Нестор–История», 2015; Смирнова И.Ю. Митрополит Филарет (Дроздов) и Православный Восток // Родное и вселенское. К 60-летию Николая Николаевича Лисового. М.: Издание Паломнического центра Московского Патриархата, 2006.

⁴⁷ Якушев М.И. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи. 1830-е – начало XX века. М.: Индрик, 2013.

⁴⁸ Кириллина С.А. Очарованные странники. Арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий. М.: Ключ, 2010.

⁴⁹ Смилянская И.М. Арабский мир в представлениях русских паломников XII – первой половины XIX в. // Встриваясь друг в друга... Россия и Арабский мир: взаимное восприятие. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 52–137.

⁵⁰ Якушев М.М. Русское православное паломничество на Ближний Восток в контексте османско-русских отношений (1774–1847). М.: Индрик, 2018.

⁵¹ Воробьева И.А. Русские миссии в Святой земле в 1847–1917 годах. М.: ИВ РАН, 2001.

⁵² Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX века. М.: Индрик, 2006.

⁵³ Сухова Н.Ю. Уроки взаимности. Сирийские и палестинские студенты в российских духовных академиях. URL: <http://ippo.ru/history/school/int/4/> (дата обращения: 15.05.2016).

⁵⁴ Грушевой А.Г. Последняя учебная программа учительских семинарий Императорского православного палестинского общества // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 2 (22). С. 258–331.

⁵⁵ Федотов П.В. Галилейский учебный округ Императорского православного палестинского общества в 1892–1914 гг.: русские сотрудники школьной инспекции // Былые годы (российский исторический журнал). 2020. № 57 (3). С. 1309–1316.

⁵⁶ Бутова Р.Б. Школа Е.Ф. Бодровой. К 150-летию русского учебного дела в Святой земле. URL: <https://www.ippo.ru/old/history/school/s/1/index.html> (дата обращения: 15.07.2020).

⁵⁷ Лагузова Н.А. Школьная деятельность Императорского православного палестинского общества 1905–1914. // Иерусалимский семинар. Вып. 3. М., 2012. С. 121 – 158.

⁵⁸ Наумкин В.В. Российская дипломатия в Хиджазе (конец XIX – начало XX вв.) // Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее. Избранные главы, статьи, лекции, доклады / отв. ред. и сост. В.Я. Белокреницкий и И.Д. Звягельская. М.: Институт востоковедения РАН, 2013.

⁵⁹ Дьяков Н.Н. Россия и страны Магриба: историко-культурные контакты в Новое время // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. С. 176–203.

⁶⁰ Подцероба А.Б. Россия – арабский мир: культурные и научные связи // Азия и Африка сегодня. 2013. № 4. С. 59–62.

⁶¹ Сипенкова Т.М. Россия и Арабский Восток: этапы историко-культурного взаимодействия // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011.

А.А. Долининой⁶², В.В. Белякова⁶³, Г.В. Горячкина⁶⁴. Взаимоотношениям России с мусульманским Востоком, вопросам истории и культуры российского ислама посвящены труды Р.Г. Ланды⁶⁵, А.К. Аликберова⁶⁶, В.О. Бобровникова⁶⁷.

В последние десятилетия отечественные исследователи проявляют интерес к изучению биографий арабских преподавателей в России, их научной и педагогической деятельности. Об этом свидетельствуют работы историка-арабиста С.А. Кириллиной⁶⁸, В.М. Дзевановского-Петрашевского⁶⁹, М.А. Кострюкова и М.З. Хабибуллина⁷⁰.

В современный период историей русско-арабских взаимосвязей активно интересуются арабские исследователи из стран, имевших длительный опыт отношений с Российской империей и Советским Союзом: Ливана, Сирии, Египта, Палестины, Ирака, а также региона Залива, с которым отношения России были не так развиты. О деятельности Русской духовной миссии, Православного палестинского общества пишут в основном арабы-христиане из Ливана, Сирии и Палестины, где находились учебные заведения ИППО. Особо следует отметить работы Х. Абу Ханна⁷¹, У. Махамида⁷², И. Халила Зайна⁷³. Вместе с тем арабских исследователей интересуют биографии и творчество русских писателей и педагогов, долгое время проживавших на Востоке, в частности С.С. Кондурушкина и А.Е. Крымского, чьи письма и рассказы о Ливане перевел И. Ра'иф. Он же написал работу о культурном взаимодействии на евразийском

⁶²Долинина А.А. Невольник долга (биография И.Ю. Крачковского). СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994.

⁶³Беляков В.В. Гуманитарные связи России с Египтом. Конец XIX – середина XX века. Взаимные миграции и межкультурное взаимодействие. Саарбрюккен, 2011.

⁶⁴Горячкин Г.В. Русская Александрия: Судьбы эмиграции в Египте. М.: Русский путь, 2012.

⁶⁵Ланда Р.Г. Россия и мир российского ислама. М. – Н. Новгород: Медина, 2011.

⁶⁶Аликберов А.К. Роль «русского мусульманства» в социокультурном пространстве евразийских коммуникаций // Центральная Евразия: Территория межкультурных коммуникаций: коллективная монография / отв. ред. и сост. А.К. Аликберов. М.: ИВ РАН, 2020. С. 28–52.

⁶⁷Аликберов А.К., Бобровников В.О., Бустанов А.К. Российский ислам: Очерки истории и культуры / Группа стратегического видения «Россия – Исламский мир». М.: ИВ РАН, 2019.

⁶⁸Кириллина С.А. Арабские ученые в России (XIX – начало XX столетия) // Восхваление: Исааку Моисеевичу Фильштинскому посвящается. М.: Ключ-С, 2008. С. 145–165.

⁶⁹Дзевановский-Петрашевский В.М. Антоний Феодулович Хашаб (1874–1948): Новые материалы к биографии ученого-арабиста // Подарок ученым и утешение просвещенным: сборник статей, посвященных 90-летию профессора Анны Аркадьевны Долининой. СПб.: Петербургское востоковедение. 2016. С. 403–435.

⁷⁰Кострюков М. А., Хабибуллин М. З. Пантелеймон Крестович Жузе (1870–1942): востоковед, исламовед и общественный деятель. Казань: ЯЗ, 2012.

⁷¹Абу Ханна, Ханна. Тала'и' ан-Нахда фи Филастин. Хирриджу ал-мадарис ар-русийа (Авангард возрождения в Палестине. Выпускники русских школ). Бейрут: Му'вассаса ад-дирасат ал-филастинийа (Организация палестинских исследований), 2005.

⁷²Махамид, 'Умар. Мукаддама фи-л-адаб ал-'араби ва-л-истишрак ар-руси ва мурасалат байна Игнати Кратшкофски ва-л-куттаб ал-филастинийи ва гайрухум мин ал-'араб (Введение в арабскую литературу и российское востоковедение. Переписка Игнатия Крачковского с палестинскими и другими арабскими писателями). Наблус, 2015.

⁷³Халил Зайн, Илийас. Бад' ал-харакат ат-та'лимийа фи Амийун. Ал-мадраса ар-русийа тали'а ан-нахда ат-тарбавийа (Начало просвещения в Амьуне. Русская школа в авангарде образовательного возрождения) // Третий Амьонский фестиваль. 2009.

континенте, уделив значительное внимание русско-арабским контактам⁷⁴. Комплексно исследовал вопросы цивилизационного взаимодействия России с Арабским Востоком Н. Зайдан.⁷⁵ Другая тема, интересующая арабских исследователей, – история российского востоковедения, а также деятельность арабских ученых в России, о чем свидетельствуют работы С. Мусафира⁷⁶ и Х. аш-Шафи‘и⁷⁷. В России статьи о русско-арабских культурных связях, прежде всего с Ираком, публикует иракский исследователь Н. ад-Дайрави⁷⁸.

Несколько в ином ключе взаимоотношения России с Арабским Востоком рассматриваются в работах, опубликованных арабскими учеными из региона Залива. Среди этих работ диссертация о российско-саудовских отношениях Мухаммада Али аль-Шехри,⁷⁹ статьи А. Абахсина,⁸⁰ Х. Халида аш-Шахбандара⁸¹ и др. Основное внимание исследователи уделяют политическим, дипломатическим и культурным контактам России с регионом Залива, рассматривая их в контексте российско-англо-османских отношений. Непосредственно культурным связям с Арабским мусульманским Востоком посвятил статью Х. аш-Шахбандар, исследуя их в том числе в контексте взаимоотношений России с соседними мусульманскими народами. Следует предположить, что интерес арабов к культурным связям России с арабским миром часто обусловлен их стремлением лучше узнать историю собственной культуры и рассматривается ими через призму своей конфессиональной принадлежности и опыт взаимоотношений России с их родной страной.

Западные исследователи также публикуют работы, в которых затрагиваются вопросы политических, церковных, дипломатических и культурных контактов России с Ближним Востоком. Взаимоотношения России с Османской империей и западными державами в контексте Восточного вопроса

⁷⁴ Ра‘иф, ‘Имад ад-Дин. Агатангил Кримски. 1897. Кисас байрутийа (Агафангел Крымский. Бейрутские рассказы). Бейрут, 2017; Мин Байрут ва ‘анха. Аурак Аурасия фи-т-тафа‘ул ал-хадари (Из Бейрута и о нем – евразийские страницы о цивилизационном взаимодействии). Бейрут: изд. Дар ал-мусаввар ал-‘араби, 2018.

⁷⁵ Зайдан, Насир. Даур Русийа фи-л-Шарк ал-Аусат ва шимал ал-Ифрикийа мин Бутрус ал-Акбар хатта Владимир Путин (Роль России на Ближнем Востоке и в Северной Африке от Петра Великого до Владимира Путина). Бейрут, 2013.

⁷⁶ Мусафир Салам. Выдающийся ученый Бандали Салиба Джаузи // Россия и арабский мир. СПб.: Ноах, 1994. С. 74–77.

⁷⁷ аш-Шафи‘и, Хусайн. Мин турас аш-шайх Мухаммад ‘Айад ат-Тантави. Авваль му‘аллим ли-л-‘арабийа фи-л-билад ар-русийа (Наследие Мухаммада ‘Айада ат-Тантави. Первый учитель арабского языка в России). Каир, 2013.

⁷⁸ ад-Дайрави, Назим Маджид. Русийа ва-л-‘Ирак фи-л-му‘аллафат ал-‘арабийа ва-р-русийа (ал-карн ал-‘ашр – ал-карн ат-таси‘ ‘ашр) (Россия и Ирак в арабских и русских сочинениях (X – XIX вв.)). СПб., 2012. С. 134–158.

⁷⁹ аль-Шехри Али Мухаммад. Советско-саудовские и российско-саудовские отношения, 1926–1997 гг.: дис. ... канд. исторических наук: 07.00.15. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, 1999.

⁸⁰ Абахсин, ‘Али. Хаула ал-‘илакат ат-та‘рихийа байна Русийа ва дувал ал-Халидж ал-‘Араби (Об исторических связях России с государствами Арабского залива) // Ал-Васика. Манама, 1999. № 35. С. 28–70.

⁸¹ аш-Шахбандар, Халил Халид. Мин ал-‘илакат ас-сакафийа байна Русийа ва дувал ал-Халидж ал-‘Араби (О культурных связях России с государствами Арабского залива) // Ал-Васика. Манама, 1999. № 35. С. 13–27.

исследуются в работах А. Битиса⁸² и М. Шедиви⁸³. О русском духовном и политическом присутствии в Святой земле пишут Дж. Фэйри⁸⁴, Е. Астафьева⁸⁵. Фундированный труд об отношении России к Азии опубликовал Д. Схиммельпенник ван дер Ойе⁸⁶, который рассмотрел историко-культурные связи России с Востоком на протяжении нескольких столетий.

Таким образом, на протяжении XIX–XXI веков сформировалась развитая историографическая традиция изучения культурных связей России с Арабским Востоком. В работах отечественных и зарубежных исследователей содержится объемный фактический материал, касающийся в том числе русско-арабских научных и образовательных контактов. Тем не менее комплексно научно-просветительские связи и их реализация с учетом коммуникативного фактора до сих пор не рассматривались.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура исследования формируется по проблемно-хронологическому принципу и состоит из введения, включающего обзор источников и историографию, трех глав, заключения и библиографии.

Во введении обосновываются актуальность темы диссертации, ее научная новизна и практическая значимость, формулируются предмет и задачи исследования, определяются его хронологические и географические рамки, методологические подходы, подробно рассматриваются основные группы используемых архивных и печатных источников, а также подходы к изучению русско-арабских культурных связей, которые сформировались в отечественной и зарубежной историографии.

В первой главе **«Политические и культурные контакты России с арабским миром: причины возникновения и специфика развития»** рассматривается предыстория русско-арабских культурных связей, анализируются социокультурные, политические, религиозные факторы, способствующие их появлению. В первом параграфе **1.1. «Русско-арабская культурная коммуникация в контексте взаимоотношений Руси с мусульманским и христианским Востоком»** выделяются типы наиболее ранних русско-арабских контактов, рассматриваются пути и условия формирования культурных связей Руси с ближневосточным регионом.

⁸² Bitis A. *Russia and The Eastern question. Army, Government and Society 1815–1833*. Published for the British Academy by Oxford University press, 2006.

⁸³ Šedivy M. *Metternich. The Great Powers and the Eastern Question*. Published by the University of West Bohemia, 2013.

⁸⁴ Fairey J. *Russia's quest of Holy Grail: relicts, liturgics and Great-Power politics in the Ottoman Empire // Russian-Ottoman Borderlands. The Eastern Question Reconsidered / Edited by Lucien J. Frary and Mara Kozelsky. The University of Wisconsin Press, 2014. P. 131–165.*

⁸⁵ Astafieva E. *Found and buy, study and appropriate, build and reconfigure: The three stages in turning the “Coptic domain” in Jerusalem into the Church of Saint Alexander Nevsky (1856–1896)*. URL: <https://journals.openedition.org/ejts/6195?lang=en> (access date 17.04.2020).

⁸⁶ Schimmelpenninck van der Oye D. *Russian Orientalism. Asia in the Russian mind from Peter the Great to the Emigration*. New Haven and London: Yale University Press, 2010.

В ходе исследования отмечается, что первые контакты восточных славян с арабами осуществлялись преимущественно в торговой и военно-политической сферах при посредничестве Византии и Хазарского каганата, граничивших с Арабским халифатом. Попадая на Ближний Восток во время арабо-византийских или хазаро-арабских столкновений в качестве пленников, а иногда в результате добровольного перехода на сторону арабской армии, славяне постепенно осваивали арабский язык и адаптировались к местной культуре. В большинстве своем они не возвращались на Русь, потому не могли содействовать активному развитию русско-арабских культурных связей. Однако некоторые из них выступали проводниками и переводчиками в составе арабских посольств и торговых караванов, способствуя установлению контактов арабов с народами Восточной Европы.

Основной зоной торговых контактов восточных славян с арабами были города Хазарского каганата, Волжской Булгарии и Византии. Посредниками в русско-арабской коммуникации выступали представители тюркских народов, владевшие арабским языком, евреи, а также восточные христиане, которые знали арабский и греческий языки. В отличие от торговых и военных контактов, осуществлявшихся между восточными славянами и арабами напрямую, культурные связи Руси с Арабским Востоком носили в основном опосредованный характер и формировались через Волжскую Булгарию и Византию, которые имели культурно-религиозные связи с Ближним Востоком. Возникновению культурных связей Руси с этим регионом содействовали факторы религиозно-идеологического характера: с одной стороны, утверждение ислама в Волжской Булгарии, с другой – христианизация Руси. Первое способствовало тому, что мусульманский мир оказался в непосредственной близости от русского государства, второе – возникновению духовных связей Руси со Святой землей.

Несмотря на то, что Волжская Булгария располагалась далеко от территорий Арабского Востока, ее жители нередко отправлялись туда с религиозными и учебными целями. Вместе с тем болгарские земли посещали арабские строители, ремесленники и ученые. Через Халифат и государства Центральной Азии в Булгарию постепенно проникала арабо-исламская культурная традиция, которая продолжала развиваться в местных условиях.

При установившихся торговых, военных и этнических контактах с Волжской Булгарией Русь так или иначе знакомилась с культурой исламского мира. Однако культурное взаимодействие между двумя государствами было ограничено ввиду того, что они развивались на разных цивилизационных основах. Так, религиозные и научные тексты славян оставались практически неизвестными булгарам и наоборот. В основном на Русь проникали элементы декоративного искусства и зодчества, которые генетически восходили к Арабскому Востоку, однако не демонстрировали четких коннотаций с исламом (как, например, растительный орнамент).

Взаимодействие Руси с арабо-исламским миром продолжалось, когда она оказалась под властью Золотой Орды, имевшей тесные связи с Египтом. Вероятной зоной русско-арабских культурных контактов в этот период были ремесленные мастерские в Орде, где трудились мастера, присланные из Египта, а также привезенные из подчиненных ордынцам земель, включая и Русь. Во время совместного творчества с мусульманами русские мастера могли заимствовать техники и стили, характерные для арабо-исламского искусства, что объясняет их последующее появление на Руси. Вместе с тем влияние мусульманской культуры достигало русских земель благодаря селившимся там ордынцам и контактам княжеской верхушки с ордынской знатью.

Геополитические изменения, произошедшие в Европе и Азии в XV веке в результате освобождения русских земель от Золотой Орды и возникновения Османской империи, отразились на связях Руси с арабским миром, большая часть которого оказалась под властью Османов. С этого времени Московскую Русь неизбежно интересовали происходившие в Османской империи события, а также ее взаимоотношения с государствами-преемниками Золотой Орды.

Тесные культурно-просветительские связи с арабо-османским миром поддерживало Крымское ханство, где продолжала существовать арабоязычная традиция. Через Крым культурное влияние арабо-османского мира достигало Казанского ханства, с которым Московская Русь поддерживала отношения. После присоединения в XVI веке Казанского и Астраханского ханств к Московскому царству культурное взаимодействие Руси с арабо-мусульманским миром продолжилось. Этому содействовали торговые и военно-политические контакты Москвы с Крымским ханством и Османской империей. Посредниками в коммуникации Московии с Османами и крымцами выступали российские мусульмане и новокрещены. Они занимались переводами с восточных языков, участвовали в дипломатических миссиях в Османскую империю.

Возникновению культурных связей Руси с Арабским Востоком способствовали контакты не только с соседними мусульманскими народами, но и с христианами Восточного Средиземноморья. В течение многих столетий единственным видом регулярных контактов Руси с Ближним Востоком было паломничество. Отправлявшиеся в святые места представители русской знати и духовенства, а также купцы нередко владели греческим языком, который был распространен среди образованных христиан Ближнего Востока. При необходимости они могли выступать посредниками в общении паломников с арабами-мусульманами. Однако такое общение было ограниченным ввиду религиозных целей путешествия. При византийском посредничестве Русь посещали церковные иерархи, которые были родом из Сирии. Несмотря на ближневосточное происхождение, они, подобно византийцам, были носителями культуры христианского Восточного Средиземноморья и привносили ее элементы в культуру Руси, содействуя формированию местных просветительских традиций. Иногда на Руси оказывались и миряне-сирийцы, в частности врачи, которые, вероятно, владели достижениями арабской медицины

и могли частично передать свой опыт местным лекарям. Однако ни ближневосточные христиане, ни византийцы, имевшие представление о достижениях арабской научной мысли, не были ее проводниками на Русь.

Завоевание Византии турками-османами в XV веке и усиление Московского княжества повлияли на отношения Руси как с мусульманским, так и с христианским Ближним Востоком. Оказавшись под властью Османов, восточные патриархаты видели в Московском государстве своего покровителя. С этого времени представители восточных церквей, среди которых были греки и арабы, периодически посещали русские земли с целью сбора пожертвований. Вместе с тем Иерусалимские и Антиохийские патриархи нередко играли важную политическую и церковно-общественную роль в истории России. Они участвовали в церковных процессах, происходивших на Руси, выступали ее посредниками в контактах с Портой, а кроме того, информировали русских царей о политических событиях, происходивших в Османской империи. В XVI–XVII веках сведения о Ближнем Востоке поступали на Русь не только через восточных христиан и русских паломников, но и посредством контактов с Западной Европой, которые в это время существенно расширились. К концу XVII века на Руси был накоплен определенный пласт знаний о географии, культуре, религиозных традициях арабских стран, получен опыт взаимодействия с арабо-мусульманским и христианским Востоком, что стало фундаментом для развития русско-арабских культурных связей, определив их специфику.

Во втором параграфе **1.2. «Восточная политика России и дипломатические контакты с арабо-османским миром (XVIII – начало XX в.)»** рассматриваются взаимоотношения российского государства с Османской империей и ее арабскими областями в контексте Восточного вопроса. Автор приходит к выводу, что наряду с религиозно-идеологическими факторами, которые способствовали возникновению культурных связей российских народов с Ближним Востоком, существовали факторы политические, ставшие своеобразным катализатором для активизации контактов России с арабо-османским миром. Включение России в XVIII веке в сферу Восточного вопроса, войны с Персией и Османской империей актуализировали для русского правительства вопросы, связанные с исламской цивилизацией, ее историей и культурой. Вместе с тем выход России к Черному морю, присоединение Крыма (1783) и территорий Кавказа сделали Османскую империю ее непосредственным соседом. С этого времени Арабский Восток так или иначе фигурировал в сфере внешнеполитических интересов России, которую волновали проблемы православного и мусульманского Востока, экспансия западных держав в регионе, возникновение сепаратистских тенденций и национально-освободительного движения в арабских странах.

Важным шагом, направленным на укрепление позиций России на Ближнем Востоке, было учреждение российских дипломатических представительств в арабских областях Османской империи. По мере военных успехов России в борьбе с Османами сеть российских консульств и их полномочия расширялись.

В конце XVIII – первой половине XIX века были открыты дипломатические представительства России в Египте, Сирии и Палестине. В это время российскими консулами и вице-консулами назначались в основном европейцы, в том числе греки (Г. Мострас, К.М. Базили), которые коммуницировали с представителями греческой общины и поддерживали отношения с местными церковными иерархами.

Востоковедного образования российские дипломаты, служившие в это время на Востоке, как правило, не имели, также они не владели арабским языком. От уровня востоковедной подготовки консулов во многом зависело эффективное исполнение ими служебных обязанностей. Не зная восточных языков, дипломаты всецело зависели от драгоманов, которыми в российских консульствах служили представители местного населения: греки, армяне, копты, марониты.

Общение российских консулов с местными арабами, как мусульманами, так и христианами, в первые десятилетия XIX века было весьма ограниченным ввиду небольшого к ним интереса со стороны русского правительства и языкового барьера. Несмотря на отсутствие активных контактов и эффективной коммуникации с арабами, консулы в первой половине XIX века подготовили необходимую почву для дальнейшего взаимодействия России с ближневосточным населением. Они осуществляли сбор сведений об арабских странах и населявших их народах, их обычаях и религиях, политической обстановке, торговле, местных конфликтах, о которых сообщали русскому правительству, тем самым повышая уровень его осведомленности. Кроме того, все русско-арабские контакты в сфере культуры и церковных взаимоотношений осуществлялись при непосредственном участии российских дипломатов. Они укрепляли авторитет России среди местного населения и являлись проводниками ее политики в регионе. Во второй половине XIX века на должности российских консулов в арабских странах нередко назначали выпускников Учебного отделения МИД и Лазаревского института восточных языков (Н.Я. Мухин, А. Лаговский, В. Ионин, А.П. Беляев), что свидетельствовало об улучшении качества отечественного востоковедного образования, а кроме того, стремлении Министерства иностранных дел усилить кадровый состав консульств для эффективного решения коммуникативных и, как следствие, политических задач.

Во второй главе **«Формирование и реализация научно-образовательных связей России с Арабским Востоком в первой половине XIX века»** рассматриваются причины возникновения и особенности развития русско-арабских связей в сфере науки и образования. В первом параграфе **2.1. «Культурно-просветительская среда на Ближнем Востоке и арабо-европейское взаимодействие (XVIII – первая половина XIX в.)»** прослеживаются изменения, происходившие в системе традиционного ближневосточного образования под влиянием культурных контактов с Западом. В начале XIX века интерес арабского населения к межкультурным и межцивилизационным контактам, а также необходимые для этого

коммуникативные навыки отличались в зависимости от культурной среды, в которой арабы росли и проживали. Происходившие с начала XIX века социокультурные изменения в ряде арабских стран под влиянием внутривосточных факторов (реформы) и внешних воздействий (военно-политическое, экономическое, культурно-религиозное проникновение западных держав) способствовали расширению контактов арабского мира с Европой, возникновению у арабов интереса к достижениям европейской цивилизации и повышению уровня их межкультурной компетентности.

В конце XVIII – начале XIX века наиболее активный культурный обмен с европейцами осуществляли марониты и униаты, для обучения которых были организованы коллегии в Риме. По возвращении на родину они открывали школы для своих единомыслителей и содействовали расширению арабо-европейских контактов. Наладить эффективный интеллектуальный обмен между европейцами и арабами было проще в тех городах Сирии, где фиксировался высокий процент христианского населения, активно действовали католические и протестантские миссии и располагались консульства западных держав. Такими городами были, прежде всего, Алеппо и Бейрут, куда нередко отправлялись европейские востоковеды, желавшие на практике изучить арабский язык.

В отличие от маронитов и униатов, которые благодаря помощи католической церкви могли получить неплохое образование, православные христиане практически не имели качественных школ на Арабском Востоке. Вопрос об образовании арабо-православного населения находился в ведении Иерусалимского и Антиохийского патриархов, которые были греками по происхождению. Греческие церковные иерархи, не обладая мощной поддержкой извне, не могли наладить систему образования в своих патриархатах, а кроме того, они, как правило, не владели арабским языком и не были особо заинтересованы в просвещении арабской паствы. Арабские священники, которым следовало обучать детей в приходских школах, являлись зачастую неграмотными. Наиболее образованных православных арабов, владеющих греческим и литературным арабским языками, можно было встретить в Дамаске, где существовало патриаршее училище.

Главным культурно-образовательным центром Арабского Востока в первой половине XIX века был Египет, жители которого имели возможность познакомиться с техническими достижениями западной цивилизации во время похода Наполеона (1798–1801). Египетские христиане и мусульманские ученые (улемы), которые привлекались к сотрудничеству с Наполеоном и его администрацией, успели отчасти приобщиться к европейской культуре и освоить французский язык. Опыт общения с французами пригодился египтянам в период правления Мухаммада 'Али (1805–1848), который активизировал контакты с Европой. В ходе проведенных пашой преобразований, направленных в том числе на модернизацию системы просвещения, была создана сеть светских учебных заведений, организованы учебные поездки египтян в Европу, приглашены европейские специалисты. Первыми учениками, помощниками европейских

педагогов и преподавателями арабского языка в новых училищах стали выпускники ал-Азхара – интеллектуальная элита традиционного арабo-мусульманского общества. Освоив французский язык в период египетской кампании Наполеона, они были наиболее подготовленной частью местного мусульманского общества к интеллектуальным контактам с Западом. Благодаря политике Мухаммада ‘Али, направленной на активизацию европейско-египетских контактов, а также созданным пашой условиям для безопасного пребывания иностранцев в Египте, эту страну охотно посещали европейцы, включая востоковедов, желавших изучить арабский язык. Их преподавателями выступили шейхи ал-Азхара, которые во время занятий со своими учениками осваивали западную научную методологию и практиковали европейские языки. В отличие от Египта, в Сирии Мухаммад ‘Али не успел провести реформы в системе просвещения. Однако расположение египетских властей к европейцам и политика веротерпимости активизировали в Сирии деятельность миссионеров, которые способствовали развитию просвещения в местной среде и изучению арабами европейских языков. Опыт общения арабов с европейцами имел большое значение для последующего налаживания коммуникации с русскими.

Во втором параграфе **2.2. «Российские ученые и Арабский Восток: специфика востоковедной подготовки и русско-арабские контакты»** прослеживается взаимосвязь между процессом становления отечественной арабистики и возникновением русско-арабских научных связей. Необходимость установления русско-арабских контактов в профессиональных целях объяснялась, с одной стороны, стремлением арабов получить российское образование и приобщиться к научно-техническому опыту, с другой – желанием русских изучить арабский язык, географию, историю, религии народов Ближнего Востока для решения научных и стратегических задач в Османской империи, а также улучшения коммуникации с российскими мусульманами. В начале XIX века русские только приступили к обстоятельному изучению арабского языка. Вследствие этого для общения с арабами им требовался язык-посредник. Таким языком был, прежде всего, французский, которым владела образованная часть русского населения и просвещенные арабы-католики, униаты, марониты и египтяне, получившие опыт взаимодействия с европейцами.

Для подготовки востоковедов в России в начале XIX века были открыты кафедры восточных языков при университетах и специализированные учебные заведения, которые должны были выпускать квалифицированных переводчиков и дипломатов. В качестве преподавателей турецкого, персидского, татарского языков, имевших для России приоритетное значение, приглашались европейские и русские востоковеды, ученые восточного происхождения, которые получили классическое мусульманское образование. Зачастую носителями турецкого и персидского языков, которые преподавали в российских вузах, были азербайджанцы, проживавшие на территориях, присоединенных к Российской империи, и успевшие ознакомиться с русским языком и культурой. Преподавая в российских вузах, лекторы восточного происхождения обучали студентов

каллиграфии, сообщали полезные сведения об исламе, культуре и законодательстве мусульманских стран, что так или иначе готовило их к службе на Ближнем Востоке. Однако российские мусульмане и европейские востоковеды не всегда имели правильное арабское произношение и не владели арабскими диалектами, поэтому не могли подготовить квалифицированных переводчиков для службы в арабских странах.

Ситуация с преподаванием арабского языка в России улучшилась в 1820-е гг. с приходом в университеты О.И. Сенковского и А.К. Казем-Бека, которые хорошо знали мусульманский Восток. О.И. Сенковский изучал арабский язык в Ливане у маронита А. 'Ариды, бывшего профессора Венской академии, А.К. Казем-Бек – у арабского шейха, приглашенного его отцом в Дербент из Бахрейна. В процессе преподавания оба востоковеда использовали синтетический метод, основанный на сочетании европейских и восточных подходов к обучению арабскому языку. Кроме того, они уделяли особое внимание арабской фонетике, разговорной практике, а также знакомству с культурными и бытовыми реалиями мусульманского Востока, что подготовило их студентов к коммуникации с арабами. Ученые выступали за организацию научных командировок в страны Ближнего и Среднего Востока, которые постепенно вошли в практику российских университетов. Именно ученики О.И. Сенковского и А.К. Казем-Бека (А.О. Мухлинский, А.Н. Гусев, И.Н. Березин и В.Ф. Диттель) впервые посетили арабские страны в 30–40-е гг. XIX века с научными целями. Для того чтобы командировка была максимально результативной, А.К. Казем-Бек составил для своих студентов подробный научный план, в котором указал на необходимость посещения местных библиотек и учебных заведений, занятий с восточными учеными и общения с их учениками. Кроме того, он снабдил их рекомендательными письмами к влиятельным особам на Востоке, связи с которыми по возможности поддерживал. Согласно отчетам русских востоковедов, наиболее эффективный интеллектуальный обмен у них состоялся с арабскими улемами в Египте.

Вместе с тем О.И. Сенковский и А.К. Казем-Бек выступали за языковую практику с восточными учеными (в том числе и арабами) в стенах российских университетов. До середины 1830-х гг. Учебное отделение восточных языков, отвечавшее за подготовку переводчиков и дипломатов, не испытывало особой нужды в лекторе-арабе. Однако египетско-турецкий конфликт (1831–1833), в разрешении которого Россия приняла активное участие, выявил необходимость в преподавании разговорного арабского языка в Учебном отделении. В связи с этим в 1839 г. министр иностранных дел К.В. Нессельроде поручил генеральному консулу в Египте найти ученого-араба, желавшего преподавать в России. Задание выполнил Н.Я. Мухин, ученик О.И. Сенковского, служивший в это время драгоманом в консульстве в Египте и бравший уроки у шейха Тантави. Шейх был преподавателем ал-Азхара, знал французский язык и обучал арабскому языку европейских востоковедов. Переезд Тантави в Петербург в 1840 г. и его долгая педагогическая деятельность способствовали улучшению

арабистической подготовки российских ученых и дипломатов, что позволило повысить качество русско-арабской коммуникации и, как следствие, содействовало развитию культурных связей.

В третьем параграфе **2.3. «Русская духовная миссия в Иерусалиме: просветительская деятельность и взаимоотношения с православными арабами»** рассматривается церковный канал формирования русско-арабских научно-просветительских связей, исследуется отношение русского правительства и его представителей на Ближнем Востоке к вопросам арабского просвещения, а также меры, которые были приняты в этой области. Поначалу поддержка восточных церквей в вопросах просвещения осуществлялась в виде материальной помощи, отправляемой из России в Иерусалимскую и Антиохийскую патриархии. Непосредственное участие в этом вопросе принимали Святейший синод и Министерство иностранных дел, которые передавали назначенным патриархам средства через российских дипломатических представителей на Востоке. Этим вопросом, в частности, занимался генеральный консул в Бейруте К.М. Базили (1839–1853). Будучи греком по происхождению, он поначалу не слишком заботился о качестве образования православных арабов, полагая, что в их среде следовало ограничиться начальным религиозным образованием и подготовкой священников, что позволило бы укрепить связи православной арабской паствы с греческими иерархами и воспрепятствовать их переходу в другие исповедания. С этими задачами греческое духовенство, по мнению К.М. Базили, вполне справлялось. Сведения о состоянии православных школ в Палестине генконсул получал, прежде всего, от греческих иерархов, которые были склонны преувеличивать свои достижения в этой области.

Ситуация изменилась с появлением на Востоке арх. Порфирия (Успенского), который был назначен начальником Русской духовной миссии (РДМ) в Иерусалиме, учрежденной в 1847 г. Он был первым представителем русского духовенства, кто побывал во многих православных арабских деревнях и приходах, изучил специфику местной церковной жизни, греко-арабских отношений и местного просвещения. До того как арх. Порфирий был командирован на Восток (в 1843 г.), в российских верхах не имели четкого представления о положении православных арабов и уровне их образования. Отчеты архимандрита позволили К.М. Базили получить более обстоятельные сведения о греческих учебных заведениях в Палестине, что изменило его отношение к просвещению православных арабов.

Благодаря скоординированной деятельности К.М. Базили и арх. Порфирия, а кроме того, хорошим взаимоотношениям русского архимандрита с Иерусалимским и Антиохийским патриархами, России удалось реализовать свои первые предприятия в области арабского просвещения. Так, при содействии арх. Порфирия было организовано греко-арабское духовное училище и типография, открыто несколько приходских школ. Усилиями русского архимандрита учебные заведения были снабжены необходимым инвентарем и школьными

принадлежностями. Вместе с тем он принимал участие в организации учебного процесса, в том числе в установлении и введении общих для этих школ программ и педагогических методов. В качестве попечителя учебных заведений арх. Порфирий выполнял инспекторские функции, контролируя учебный процесс в вверенных его заботам школах. По мере возможности арх. Порфирий способствовал развитию образования в местной православной среде, выступал посредником в общении греческого духовенства с арабской паствой, помогая улаживать конфликты. Весь спектр коммуникативных контактов арх. Порфирия с арабами осуществлялся через Фадлаллу Сарруфа, исполнявшего функции переводчика и учителя арабского языка при Русской духовной миссии. Вместе с тем Ф. Сарруф сопровождал арх. Порфирия в научных путешествиях, помогал в переводе и поисках рукописей, содействовал организации приходских школ и учебного процесса.

Благодаря трудам арх. Порфирия Русская церковь и правительство обратили внимание на православных арабов, просвещение которых во второй половине XIX века стало важной политической и культурной задачей Российской империи.

В третьей главе **«Русско-арабские научно-образовательные связи и их эволюция во второй половине XIX – начале XX века»** прослеживается постепенное углубление русско-арабского взаимодействия в сферах науки и образования. В первом параграфе **3.1. «Просветительские задачи России на православном Востоке и их решение в 50–70-х гг. XIX в.»** рассматриваются образовательные проекты, разработанные для православных арабов в это время, а также трудности их реализации. После окончания Крымской войны Россия стремилась восстановить свои позиции на Ближнем Востоке: в 1856 г. было учреждено Российское общество пароходства и торговли, в 1857 г. возобновлена деятельность Русской духовной миссии, в 1858 г. открыто российское консульство в Иерусалиме, в 1859 г. создан Палестинский комитет. При последующих начальниках духовной миссии, которая по-прежнему слабо финансировалась, ее просветительские возможности сократились. Задачи миссии в области арабского просвещения сводились к рекомендациям и содействию в этом вопросе греческому духовенству. Несмотря на то, что еп. Кирилл и арх. Леонид (пришедшие на смену арх. Порфирию) разработали комплекс мер, направленный на просвещение православных арабов, реализовать его было невозможно без соответствующего финансирования и сотрудничества с Иерусалимской патриархией, с которой у начальников миссии были напряженные отношения. Вследствие этого руководители РДМ решали локальные просветительские задачи, на которые у них хватало средств и полномочий. В частности, еп. Кирилл (Наумов) оказывал материальную и методическую поддержку некоторым учебным заведениям в Сирии. Налаживать контакты с православными сирийцами еп. Кириллу помогал Фадлалла Сарруф, который по-прежнему служил при миссии переводчиком. В свою очередь, арх. Леонид (Кавелин) поддерживал школу для девочек, открытую Е.Ф. Бодровой в

Иерусалиме. Вопросом арабского просвещения активно занимался арх. Антонин (Капустин), который перевел школу Е.Ф. Бодровой в Бейт-Джалу и принял над ней попечение. В этой школе впервые был приобретен опыт обучения арабских детей русскому языку, а также русско-арабского педагогического сотрудничества.

В целом Русская духовная миссия в Иерусалиме не обладала необходимыми полномочиями, финансовыми и кадровыми возможностями для ведения образовательной работы, которая являлась неотъемлемой составляющей миссионерской деятельности. В отличие от западных миссионеров, члены РДМ не были подготовлены к работе на Ближнем Востоке и не владели арабским языком. Их коммуникацию с местным населением обеспечивали переводчики, которые были помощниками начальников духовной миссии и их советниками. Они же информировали свое руководство о проблемах и настроениях православных арабских общин, о чем впоследствии докладывалось в Святейший синод и Азиатский департамент. Несмотря на ограниченные ресурсы, руководителям Русской духовной миссии удалось собрать обширную информацию о Сирии и Палестине, ознакомиться со спецификой ближневосточного образования и менталитета, получить опыт взаимоотношений с местными жителями и опыт организации учебных заведений на Ближнем Востоке, завоевать уважение и симпатии православных арабов, что имело большое значение для дальнейшей просветительской работы в Палестине и Сирии. Вместе с тем благодаря руководству Русской духовной миссии и, прежде всего, архимандриту Порфирию установилась традиция отправлять православных арабов на обучение в Россию.

Непосредственное отношение к реализации просветительских задач России на Ближнем Востоке имело Антиохийское подворье. Это церковное представительство было учреждено в Москве в 1848 г. при содействии А.Н. Муравьева и митрополита Московского Филарета, который являлся ключевой фигурой по церковным делам Востока. В подворье направлялись православные арабы для того, чтобы пройти своеобразную культурную и языковую адаптацию перед поступлением в российские духовные семинарии. Способные к обучению в России арабские клирики и послушники выбирались при содействии церковных и дипломатических представителей России на Ближнем Востоке. Святейший синод рекомендовал Антиохийской патриархии отправлять нескольких арабов в Москву с настоятелем подворья при его вступлении в должность. Однако подобные рекомендации исполнялись в том случае, если руководителем подворья становился араб. Настоятели-греки не заботились о том, чтобы их арабские единоверцы получали образование в России. На протяжении многих лет Святейший синод, Министерство иностранных дел и его представители на Ближнем Востоке вели дипломатическую борьбу с Антиохийским патриархом Иерофеем за то, чтобы на должность настоятеля подворья назначались арабы, а не греки. Окончательно решить эту проблему удалось лишь в конце 70-х гг. XIX века. Вопрос о

назначении настоятелем подворья араба был тесно связан с подготовкой просвещенных арабских клириков. Получив образование в России, они должны были вернуться в Сирию, чтобы занять высокие церковные посты и содействовать просвещению православной арабской паствы, а кроме того, поддерживать тесные контакты с Россией. Несмотря на то, что к началу 1880-х гг. лишь единицы православных арабов окончили российские духовные академии, они сыграли важную роль в дальнейшем развитии русско-арабских научных и образовательных связей, в том числе в просветительской деятельности Православного палестинского общества.

Во втором параграфе **3.2. «Русско-арабское взаимодействие в организации учебного дела Православного палестинского общества»** рассматриваются проблемы и успехи профессионального сотрудничества русских и арабов в школах и семинариях ППО, созданного в 1882 году. В отличие от западных духовных миссий, на службе которых состояли клирики, владевшие восточными языками, а также арабы, получившие образование в миссионерских учебных заведениях, Россия не обладала кадровым потенциалом для ведения масштабной просветительской работы на Ближнем Востоке. Оказать содействие Палестинскому обществу в организации школ в этом регионе поначалу могли лишь православные арабы, окончившие российские учебные заведения и в совершенстве владевшие арабским и русским языками. На роль агента Православного палестинского общества в 1883 г. был избран сириец А.Г. Кезма, получивший образование в Московской духовной академии. Ему надлежало собрать сведения о православном населении Палестины, открыть там школы, снабдить их мебелью, найти местных учителей, организовать учебный процесс и регулярно его контролировать. Он же помогал адаптироваться русским учителям, которые приезжали в Палестину. Как правило, русские педагоги не владели арабским языком и не были специально подготовлены к службе на Востоке. Русским учительницам, которые возглавляли женские городские школы, приходилось поначалу общаться с местным населением жестами. Благодаря содействию А.Г. Кезмы и генконсула в Бейруте К.Д. Петковича в помощь им были направлены православные арабки (выпускницы греко-православных, католических и протестантских учебных заведений), которые отчасти владели французским языком. Они помогали осуществлять учебно-воспитательный процесс и выступали посредниками в общении русских учительниц с арабами. Коммуникация между русскими и арабскими педагогами и учениками стала постепенно улучшаться после того, как были открыты Назаретский и Бейт-Джалльский пансионы (учительские семинарии), в задачи которых входила подготовка местных педагогических кадров.

С первыми выпусками пансионеров Императорское православное палестинское общество получило арабских учителей, знакомых с российскими методиками преподавания, русским языком, способных пользоваться русскоязычными пособиями. Выпускники Назаретского пансиона назначались

руководителями двухклассных мужских школ общества, оказывали содействие русским учителям в пансионе. Вместе с первым русским учителем (впоследствии инспектором) школ ИППО А.И. Якубовичем пансионеры занимались с учителями-арабами, которые не являлись выпускниками школ общества, помогая им освоить современные методы преподавания и улучшить знания по отдельным дисциплинам.

Выпускницы пансиона в Бейт-Джале возглавляли одноклассные женские школы и были помощницами и переводчицами русских учительниц, преподававших в двухклассных городских школах и пансионе. Под руководством русских педагогов они преподавали большую часть предметов и помогали интегрироваться в школьную систему ИППО арабским учительницам, получившим начальное образование в греко-православных и миссионерских школах.

В отличие от Палестины, школьное дело ИППО в Сирии развивалось быстрее, что объяснялось заинтересованностью в этом процессе антиохийских церковных иерархов и православных арабских общин. Ввиду многочисленности школ, открытых обществом в Сирии, ведущую роль в организации учебного процесса играли инспекторы. Поскольку Назаретский пансион выпускал небольшое количество учителей, часть которых находила более прибыльные места службы, учебные заведения общества испытывали постоянный дефицит квалифицированных педагогов. Учитывая обстоятельства, школьные инспекторы ставили пансионеров во главе наиболее крупных школ, подчинив им учителей, получивших образование в сирийских учебных заведениях. Они организовывали учебный процесс в своей школе, а кроме того, следили за ходом обучения в соседних сельских школах ИППО. Как правило, инспекторы и их помощники преподавали некоторое время в Назаретском пансионе, что позволяло им адаптироваться к местным реалиям и вникнуть в специфику учебного процесса. Однако лишь некоторые из них (к примеру, Д.Ф. Богданов) хорошо владели арабским языком. Их секретарями и переводчиками были выпускники Назаретского пансиона, которые знали русский язык. Для контроля за деятельностью учебных заведений инспекторы устраивали периодические объезды школ, корректируя учебный процесс, составляя отчеты и направляя их в Совет ИППО, откуда затем получали соответствующие распоряжения.

Вместе с тем инспекторы (А.И. Якубович, И.И. Спасский) проводили педагогические съезды арабских учителей из подведомственных им школ, направленные на повышение квалификации преподавателей-арабов. Важной частью инспекторской службы была непосредственная организация школ, обустройство и ремонт помещений, снабжение их необходимым учебным материалом, в том числе пособиями, переводом которых занимались пансионеры и арабские выпускники российских учебных заведений. В случае возникновения конфликтов инспекторы общались с представителями местных властей, арабских общин, церковнослужителями, российскими дипломатами.

Важную роль в организации школьного дела ИППО и улучшении учебного процесса играли внешние инспекции, которые отправлялись из Петербурга на Ближний Восток для изучения работы школ. По результатам инспекций в Петербурге созывались педагогические комиссии, целью которых была разработка новых учебных программ и инструкций. По мере того, как в состав комиссий включались русские учителя и инспекторы ИППО, знавшие школьное дело изнутри, а также востоковеды, учебные программы и инструкции становились эффективнее. Особое значение имела инспекция 1899 г., которую провел сенатор Н.М. Аничков совместно с преподавателем Лазаревского института восточных языков сирийцем М.О. Аттаей. С помощью М.О. Аттая ему удалось вникнуть в мельчайшие подробности учебного дела и проблемы русско-арабского сотрудничества. Особое внимание сенатор уделил вопросам русско-арабской коммуникации в школах и инспекциях, от качества которой зависел весь учебный процесс. По возвращении в Петербург Н.М. Аничковым была созвана комиссия, а затем педагогический съезд, в которых принимали участие инспекторы и учителя школ ИППО, а также М.О. Аттая. Ему было поручено перевести на арабский язык ряд учебных пособий, необходимых для школ общества. В ходе педагогического съезда 1902 г. были разработаны новые программы, которых учебные заведения ИППО придерживались более 10 лет.

Профессиональное взаимодействие между русскими и арабами эффективнее всего реализовалось в учительских семинариях, где были сосредоточены лучшие русские и арабские педагогические кадры, вследствие чего удалось достичь наиболее высоких результатов в обучении. Выпускники Назаретской и Бейт-Джалльской семинарий овладевали русским и литературным арабским языками, что позволяло им читать в оригинале русскую литературу и выполнять качественные переводы на арабский язык. За время пребывания в пансионах, общения с русскими педагогами и инспекторами арабы усваивали элементы русской бытовой культуры и учебно-воспитательной системы, проводниками которой они отчасти выступали и после установления французского и британского мандатов. В просвещении арабов после Первой мировой войны выпускникам пансионатов помогали арабские учебники, составленные по русским образцам.

В третьем параграфе **3.3. «Арабские востоковеды в России: научно-исследовательская и педагогическая деятельность»** представлен кульминационный этап развития русско-арабских научных связей (в дореволюционный период), который был непосредственно связан с биографией, научной и преподавательской деятельностью арабов в российских вузах. Во второй половине XIX века русско-арабское научно-просветительское взаимодействие в основном носило внутриконфессиональный характер и реализовалось между представителями православного исповедания. Первыми преподавателями-арабами в России (в 1840-е гг.) были мусульмане (М. ат-Тантави, А. ал-Мекки), получившие классическое исламское образование. Им на смену в 1850-е гг. пришли арабы-христиане, окончившие европейские и

миссионерские учебные заведения (А. Келзи, И. Нофаль). В 1860–1870-е гг. среди арабских преподавателей появились православные выпускники российских вузов, которых постепенно стало большинство. Причина изменения конфессионального состава арабских лекторов заключалась не в принципиальной позиции российских вузов, предпочитавших православных арабов мусульманам или католикам, а в улучшении их подготовки и укреплении церковных связей с Арабским Востоком. Качество преподавания и уровень профессионального взаимопонимания с российскими коллегами и студентами у арабских выпускников российских вузов были, как правило, выше, чем у их предшественников. Арабские ученые и преподаватели (Г.А. Муркос, М.О. Аттая, Ф.И. Сарруф, Т.Г. Кезма, П.К. Жузе, А.Ф. Хашаб) своими научными трудами и педагогической деятельностью внесли существенный вклад в развитие отечественного востоковедения, воспитали не одно поколение российских дипломатов и ученых-арабистов. После революции 1917 г. некоторые из них (М.О. Аттая, П.К. Жузе, Т.Г. Кезма, К.В. Оде-Васильева) остались в России. Продолжая трудиться бок о бок со своими русскими коллегами, они содействовали развитию советской школы востоковедения, установлению контактов Советского Союза с арабскими странами, по возможности поддерживали научные и литературные связи с арабской интеллигенцией. Научно-исследовательская и педагогическая деятельность арабских преподавателей в России в дореволюционный и послереволюционный периоды свидетельствует о непрерывном развитии русско-арабских научно-просветительских связей, которое продолжилось в советскую эпоху.

В заключении представлен обзор итогов исследования, сформулированы выводы, которые позволяют проследить эволюцию русско-арабских культурных связей в контексте взаимоотношений России с ближневосточным регионом. Проанализировав широкий спектр архивных и печатных источников, а также объемный историографический материал, автор приходит к выводу, что процесс формирования научно-образовательных связей России с Арабским Востоком, их возникновение и развитие напрямую зависели от качества русско-арабской коммуникации и специфики ее реализации на разных исторических этапах.

Список работ, опубликованных по теме диссертации

Публикации в рецензируемых журналах и изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Смирнова Е.В. Михаил Осипович Аттая и его вклад в российское востоковедение (по документам архива Лазаревского института восточных языков) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 9 (71). С. 187–191.

2. Смирнова Е.В. Научно-просветительские связи России с Арабским Востоком в XIX – начале XX века: история изучения вопроса // Ученые

записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 7 (168). С. 36–41.

3. Смирнова Е.В. Подготовка отечественных востоковедов и русско-арабская коммуникация (первая половина XIX века) // Человеческий капитал. М., 2019. № 7 (127). С. 26–33.

Другие научные публикации по теме диссертации:

4. Смирнова Е.В. Арабские востоковеды в России в XIX – начале XX в. К вопросу о возникновении русско-арабских связей в сфере науки и образования // История востоковедения: традиции и современность. М.: ИВ РАН, 2018. С. 86–103.

5. Арабские авторы о культурных связях России с Арабским Востоком в XIX – начале XX в. // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 18. Арабская филология: традиции и современность. М.: ИВ РАН, 2018. С. 273–289.

6. Смирнова Е.В. Русско-арабская коммуникация и учебный процесс в Назаретской семинарии ИППО // Христианство на Ближнем Востоке. 2021. № 1. С. 5–33.

7. Смирнова Е.В. Фадлалла Сарруф – переводчик Русской духовной миссии в Иерусалиме и лектор С.-Петербургского университета // Востоковедение: история и методология. М.: ИВ РАН. 2021. № 2. С. 68–79.

8. Смирнова Е.В. Искандер Кезма в начале просветительской деятельности Православного палестинского общества // Христианство на Ближнем Востоке. 2021. № 2. С. 66–122.

9. Смирнова Е.В. Научная командировка Н.И. Ильминского на Ближний Восток и его арабистическая подготовка // Н.И. Ильминский и этнокультурное развитие народов Поволжья: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Чебоксары, 16 сентября 2022 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2022. С. 36–44.